

Танец огня

Когда я проснулась, мои глаза сразу утонули в розовом море. В изголовье кровати высился букет из роз, огромный, благоухающий, и я сразу вспомнила, что сегодня мой день рождения. Мне сразу же расхотелось просыпаться, чтобы не видеть букет, не ждать, что сейчас с тортом, украшенным зажженными свечами, войдет в мою комнату бабушка. Я должна буду задуть свечи и поцеловать ее, а потом принимать подарки, оставленные для меня отцом. Бабушка, как обычно, скажет:

- Нелли, к великому сожалению, твой отец не сможет сегодня тебя увидеть, но будь уверена, что весь этот день он будет думать только о тебе.

Но я не буду в этом уверена. Боюсь, что я буду уверена совсем в другом: моему отцу до меня нет никакого дела. Да и подарки, скорее всего, покупала бабушка, ведь папа никогда бы не смог купить мне все эти платья, кофточки и заколки для волос, он даже не знает, что это такое. Вот если бы у меня была мама... Но мамы у меня нет. Она умерла сразу после моего рождения, и меня вырастила бабушка, которой я должна быть за это благодарна по гроб жизни. Странное выражение – «гроб жизни», - но именно так я и ощущаю бабушкино воспитание. Она спрятала мою жизнь в какой-то ящик, в заколдованный замок, из которого нет выхода. Нет, не подумайте, что меня держат пленницей в доме, но куда бы я не выходила, я знаю, что в конце дня меня ждет возвращение сюда, в роскошную квартиру в одном из самых престижных домов города.

Я слышала, что пожилые люди не любят, когда кто-то вспоминает об их дне рождения. Мне кажется, что дело не только в том, что им исполняется много лет. Просто им за все эти годы надоели фальшивые поздравления, подарки, купленные по обязанности, люди, которые навязывают свое общество, не интересуясь тем, приятно ли оно тебе. Я чувствую себя очень пожилой девочкой, поэтому понимаю это.

Интересно, что думала бабушка, покупая мне этот роскошный букет? Скорее всего, ее интересовало то, насколько модным и дорогим будет магазин, где она закажет цветы, сколько роз надо купить, чтобы ее неблагодарная внучка поняла, что этот подарок не назовешь обычным. Этот букет должен просто кричать о том, какое счастье выпало этой девчонке жить в столь богатой и уважаемой семье.

Но можно ли назвать семьей трех человек, ни один из которых не любит другого? Папа боится своей матери и не замечает меня, бабушка заботится о нас обоих с таким усердием, что оно не может не выглядеть показным, я, почти не видя отца, считаю его чужим человеком, а в присутствии бабушки ощущаю себя гостьей в избушке Бабы-Яги.

Вы думаете, моя бабушка страшна и уродлива? Ничего подобного. Она красива, ухожена, ее пышные светлые волосы всегда уложены в аккуратную прическу, которую делает ей по утрам приходящий парикмахер. Я никогда не видела бабушку в домашнем платье или халатике, она всегда безукоризненно одета. Явись к ней посланец от английской королевы с требованием тотчас посетить Букингемский дворец, бабушка скажет только: «Минуту, я возьму сумочку».

И надо же было случиться так, что у столь великолепной бабушки родилась совершенно обычная внучка! Бабушка ведь думала, что девочка будет обладать выдающейся красотой и недюжинными талантами, словно принцесса, в кроватку которой феи сложили все возможные и невозможные дары. Поэтому-то она и дала мне такое пышное имя: «Наполеонина». Представляете? Да, меня зовут Наполеонина! Потом бабушка, конечно, убедилась, что это имя не подлежит повседневному использованию, и сократила его до столь же претенциозного «Нелли».

Наша семья-несемья занимает огромную квартиру, составленную из двух соседних. Квартира досталась бабушке от покойного деда, человека предприимчивого и энергичного. Благодаря его предприимчивости бабушка Елена Леонидовна, Элен, как называют ее она сама и ее богатые друзья, сейчас является полновластной хозяйкой Дома Моды и нескольких ателье. Чем занимается отец, я даже представления не имею. С ним я вижу очень редко, а бабушка, когда я пыталась расспросить ее, отвечает:

- Нелли, тебе совершенно незачем это знать. Довольно того, что ты прекрасно обеспечена и ни в чем не нуждаешься. Многие девочки позавидовали бы тебе.

«А ты всегда чем-то недовольна», - звучало в бабушкином голосе. Конечно, мне и в голову бы не пришло выказывать недовольство, но от бабушки невозможно ничего скрыть. Она смотрит сфинксовым взглядом своих серо-голубых глаз и видит тебя насквозь. В ее присутствии я даже стараюсь ни о чем не думать, чтобы бабушка не прочитала мои мысли. Правда, тогда она говорит:

- Нелли, перестань делать такое безжизненное лицо.

И я срочно пытаюсь сменить выражение лица. Ну что, разве это не гроб жизни?

В коридоре слышны шаги. Бабушка! Я крепко закрываю глаза. Шорох двери, поскрипывание колесиков, шаги, старающиеся звучать тише.

- Нелли, дорогая, с днем рождения!

Пора просыпаться. Я собираюсь с духом и открываю глаза. Теперь надо изобразить удивление и восторг.

- Бабушка, это мне?

На сервировочном столике высится гора пакетов, красиво упакованных, украшенных ленточками и бантиками. Бабушка возвышается над всем этим разноцветным великолепием, точно фея Бефана¹, и на ее лице написано такое же сознание собственного всемогущества. Я долго разбираю пакеты, разрываю бумагу, снимаю ленточки. Возле кровати множится горка оберток, а на кровати – горка подарков. Появление каждого я честно сопровождаю радостным и удивленным возгласом. «История Древнего Рима» - как интересно! Платье какой-то там фирмы – потрясающе! Мишка Тедди, «настоящий!» - всегда о таком мечтала! Диск с операми Верди – с удовольствием послушаю!

Спасибо, что в этом году среди подарков нет кукол! Смешно бы было шестнадцатилетней девице получить в подарок куклу! Три года подряд бабушка ошачливливала меня великолепными красавицами в атласных платьях, с фарфоровым личиками и блестящими локонами. Первая кукла сломалась, когда горничная, наводя порядок в комнате, случайно уронила ее на пол да еще и наступила на нее, а две следующих до сих пор восседают на подоконнике комнаты. Я не играю в них, хотя дала им имена. Кукол зовут Сцилла и Харибда, и они украшают комнату, созданную модным дизайнером таком же безликом стиле, как и все остальные комнаты квартиры. Я с удовольствием оживила бы ее блеклые стены яркими календарями и постерами, но бабушка никогда не разрешит, можно даже не спрашивать.

«Ноты – это так замечательно, бабушка!» Два раза в неделю ко мне приходит учительница музыки, потому что отдать меня в музыкальную школу бабушка не захотела: «Никогда не знаешь, что за дети там учатся. Они могут оказаться неподходящей компанией. К тому же эту учительницу мне очень рекомендовали, она замечательная пианистка». Да, возможно, Ирина Николаевна и отличная пианистка, но учительница она, по-моему, неважная. А может быть, ее просто сковывает присутствие на уроках бабушки. Когда у меня что-нибудь не получается, а бывает это довольно часто, я слышу холодный бабушкин голос: «Нелли, приложи хоть немного старания». Понятно, что лучше получаться от такого замечания не начнет. Ирина Николаевна, по-моему, сознает свое бессилие. К концу урока на ее щеках горят красные пятна, а глаза становятся беспомощными.

- Нелли, потрудись быть прилежнее и старательнее, - часто выговаривает мне бабушка после ухода учительницы. – Алина младше тебя на год, но уже давно радуется своей игрой гостей.

Алина – моя младшая кузина, дочь дяди Бориса, преуспевающего бизнесмена. Бабушка гордится ею не меньше, чем Алинины родители, гордится ее отличной учебой в английской школе, ее музыкальными успехами. Она всегда ставит Алину мне в пример, хотя, по-моему, моя кузина - всего лишь глупая воображала. Да, учится она хорошо, но, наверно, ум бывает разный. У Алины ум учебный, на остальную жизнь он не распространяется.

- Тебе, кажется, не нравится Алина? - спросила однажды бабушка. - Она симпатична, воспитана, умна и хорошо ведет себя. В ней есть все то, чего тебе не хватает.

- Это еще не причина смотреть на меня покровительственно, - ответила я.

- Надо использовать лишь те слова, Нелли, значение которых ты понимаешь, - насмешливо сказала бабушка. - И не кажется ли тебе, что, возможно, ты просто завидуешь Алине?

¹ Мифологический персонаж, который в Италии дарит детям подарки в канун Крещения.

- Нет, не кажется, - уверенно сказала я, точно зная, что Алине я нисколько не завидую.

- Мне бы хотелось, чтобы ты запомнила этот замечательный день, Нелли. Шестнадцать лет – это уже ступень к взрослости. Постарайся быть самостоятельнее, пора уже проявить себя как личность. Заявить о себе. Сегодня на праздничном ужине у тебя будет такая возможность. Вместе со мной ты будешь принимать гостей, развлекать их. Это сложно, но надо учиться.

Не зря мне не хотелось проспать! Придется весь вечер прыгать весёлым пуделем перед гостями, которые придут, переполненные чувством собственной значимости и неповторимости, развлекать их, угождать, поддакивать. Это называется «непринужденно поддерживать разговор».

Недавно в библиотеке гимназии я прочитала книгу «Детство и юность Катрин Шаррон»². Вообще-то я не очень люблю читать, но в тот день мне совсем не хотелось идти домой. Я позвонила бабушке и сказала, что мне надо написать реферат, поэтому придется поработать в библиотеке. Бабушке пришлось позволить мне задержаться на пару часов. Она до сих пор не соглашается купить мне компьютер, хотя у всех моих одноклассников они давно есть. Раз бабушка считает, что для учебы достаточно книг в библиотеке, то почему бы не поймать ее на слове?

Тут мне и попалась эта книга. Я читала и отчаянно завидовала главной героине Катрин, жившей в бедной, невероятно бедной семье. Детям пришлось рано начать зарабатывать на жизнь, но родители их любили, у них были замечательные, готовые всегда прийти на помощь друзья. Кончается книга описанием дня рождения Катрин. Ей исполнилось пятнадцать лет, и друзья, небогатые, но великодушные, сделали ей сюрприз: собрав всем миром деньги, подарили ей новое платье. Катрин понимала, что значит такой подарок: это не платье, это воплощенная любовь. А подарки бабушки – воплощенное тщеславие. Я несправедлива? Мне почему-то так не кажется.

Декабрьский день вспыхнул и потух, как спичка. Не успело солнце с трудом взобраться на небосклон, как кубарем оттуда скатилось. Когда я вошла в гостиную, то просто остолбенела: она была украшена так роскошно, как ее давно не украшали. Явно, бабушка снова пригласила дорогого дизайнера. Золотые розы в вазе, какие-то вычурные подсвечники, непонятные композиции из позолоченных листьев, завитушек и свечей сделали стол похожим на витрину антикварного магазина. Конечно, мы с бабушкой и пальцем о палец не ударили, чтобы приготовить праздничный ужин. Его привезли из ресторана вместе с парочкой официантов, которые будут обслуживать гостей.

Вот и первые гости пожаловали. Горничная Марина открыла двери и впустила дядю Бориса, тетю Еву и их дочерей, Алину и Алисию. Про Алину я вам уже рассказывала. Младшая, Алиска, нравится мне гораздо больше. Она добрая, простая, и мне совершенно непонятно, как в этой семейке могла появиться подобная девочка. Если бы мне пришлось выбирать себе сестру, я выбрала бы Алиску.

Глядя, как мои дядя и тетя обращаются со своими девочками, я почему-то вспоминаю сказку о Крошке Цахесе. Его всегда хвалили, как бы неуклюже и неуместно он ни поступил, и совершенно не замечали достоинств людей, оказавшихся с ним рядом. Не скажу, конечно, что Алина ведет себя так же, как крошка Цахес, но в любом случае родители всегда похвалят ее, а не Алиску, уступят именно ее просьбам, прислушаются именно к ее желаниям. Но Алиска и не требует внимания к себе. Ей кажется правильным, что все выделяют Алину.

Вот и сегодня, лишь войдя в гостиную, тетя Ева стала нахваливать Алину за то, что та замечательно проявила себя на мастер-классе у какого-то заезжего кулинара.

- Что вы там учились готовить, Алина? – притворяясь, что не помнит, спросила она.

- Французский яблочный пирог «Тарт Татен», - тоном первой ученицы ответила Алина.

Я успела заметить веселые искорки в глазах Алисии, но та тут же опустила глаза, а когда подняла, то снова стала благовоспитанной девочкой.

- Да, теперь это модно, - поддержала бабушка, - хотя не думаю, чтобы я хотела этого для Нелли. Всё же люди делятся на тех, кто готовит, и на тех, кому готовят. Надеюсь, наши девочки будут в числе вторых.

2 «Детство и юность Катрин Шаррон» - книга французского писателя Жоржа-Эммануэля Клансье

У тети Евы покраснели щеки. Съела? Будешь знать, как хвастаться своей распрекрасной Алиной. Снова звонок в дверь. Кто на этот раз? Сначала в двери появился огромный букет совершенно невероятной расцветки, напоминающий растрепанный хвост попугая, а следом за ним показался пожилой толстяк в дорогом костюме. Из-за его плеча выглядывал какой-то парень со странной прической, словно волосы его были мокрыми и примазанными к голове.

- Сашенька! – бросилась к толстяку бабушка. Это был ее брат, дед Саша, единственный живой человек в нашей семье. В детстве мне казалось, что Дед Мороз должен быть точно таким, как дед Саша. Я и звала его всегда дедом, ведь моего родного дедушки и в живых уже не было, так что должность оставалась свободной.

- Леночка, это мой внучатый племянник Тимофей, - представил дед парня, и тот поклонился, если этот легкий наклон головы можно было так назвать. - А вот и виновница торжества! Тимофей, это Нелли. Я давно хотел вас познакомить.

Я тоже удостоилась легкого кивка и прохладного ленивого взгляда. Глаза Тимофея имели странное свойство смотреть сквозь тебя так, словно ты пустое место. Я придала своему лицу выражение, которое, по моему мнению, должно быть у хозяйки светской вечеринки, и сказала:

- Добро пожаловать в наш дом.

Бабушка одобрительно посмотрела на меня. Значит, я все сделала верно. Что же, продолжу играть роль дальше.

Последней пришла моя крестная Поликсена. Она возглавляла какое-то издательство и все время дарила мне шикарные книги. Вот и сегодня крестная поцеловала меня в лоб и преподнесла огромную книгу с золотым обрезом.

- «Сокровища Третьяковской галереи», - сообщила она, словно ожидая ахов и охов, которые действительно последовали.

- Спасибо, вы так меня балуете, - церемонно ответила я. Опять удача!

- Нелли стала совсем взрослой, - удовлетворенно проговорила Поликсена. – В этом Ваша заслуга, Элен, Вы стали ей больше чем матерью.

Что же это надо сделать для ребенка, чтобы стать для него больше, чем матерью? И опять мне вспомнился «гроб жизни». Но бабушка уже пригласила всех к столу.

Я терпеть не могу есть в присутствии посторонних людей, пусть даже они не совсем посторонние. У меня не действуют руки, я плохо понимаю вкус еды. Я пыталась сосредоточиться на процессе поглощения вкусов, но то и дело наталкивалась на бабушкин взгляд, который требовал от меня каких-то действий, и я что-то говорила, смотрела, не пустуют ли тарелки, вовремя ли официанты подают следующее блюдо.

- А как твоя учеба в гимназии, Нелли? - спросил вдруг дядя Борис. – Собираешься успешно закончить полугодие?

По правде говоря, я очень сомневаюсь, что мне удастся закончить вторую четверть успешно. Бабушка уже несколько раз строго призывала меня обратить больше внимания на учебу. К сожалению, в этом году в нашей французской гимназии мы начали учить второй язык, испанский, и с ним-то дружба не сложилась. Ну никак не могла я освоить все эти невнятные превращения глаголов.

- Нелли пишет неплохие сочинения, - словно оправдывая меня, сказала бабушка. Странно: в то же время мне показалось, что в ее голосе прозвучала насмешка.

- От сочинений прок небольшой, а вот испанский тебе пригодится. Поедешь учиться в Саламанку, - нравоучительно сказал дядя Борис. – Если собираешься занять хорошее место в жизни, придется постараться. Ты уже большая девочка и должна понимать это. Кстати, где находится Саламанка?

Он спросил это так неожиданно, что я растерялась. Алина же ответила сразу:

- Университет Саламанка находится в городе Саламанка.

- Молодец, дочка! – просиял дядя Борис. – Но нашу Алиночку мы отправим в Лондон. Она уже была там прошлым летом.

Алина важно кивнула. Тимофей посмотрел на нее так, словно впервые кого-то увидел в этой комнате. Вот славная бы получилась парочка! Два задавалы. Вообще вокруг столько людей, которые мне не нравятся, что иногда мне кажется, что это со мной самой, должно быть, что-то не

в порядке.

Я вдруг вспомнила, как однажды бабушка спросила меня: «Тебе, кажется, не нравится Алина? Она красива, воспитана, умна и хорошо ведет себя. В ней есть все то, чего тебе не хватает. Может быть, ты просто ей завидуешь?» Тогда мне показалось смешным это предположение, но сегодня я подумала, что, кажется, и впрямь завидую своей кузине. Какими бы ни были ее родители, все же они всегда находятся рядом с ней, любят ее, расхваливают на все лады, не замораживают в случае неудачи ледяным взглядом и искренне считают, что лучше их доченьки нет никого на белом свете. Может, этому стоит позавидовать?

Но все эти мысли тут же улетучились, лишь только Алина по просьбе бабушки села за рояль. Она барабанила по клавишам долго, ловко и увлеченно, напоминая механического зайца. Я даже представила, как у нее вырастают длинные уши и покачиваются в такт музыке. Потом я незаметно обвела взглядом всех присутствующих. Бабушка слушала с выражением почтительного внимания, дядя и тетя – восторженно, Поликсена – вдохновенно, Тимофей – равнодушно-вежливо. Порадовали меня лишь дед Саша, который мужественно боролся с дремотой, и Алиска, прятая лицо в ладонях. Думаю, она тихо хихикала.

Не знаю, почему, но я вдруг подумала о том, что сегодня рядом со мной могла бы сидеть моя мать. Какой была бы она? Глупой курицей вроде тети Евы? Строгой и холодной, как бабушка? Картинно-эмоциональной, как Поликсена? А какой бы я сама хотела ее видеть? И тут мне пришлось признаться себе, что я не знаю ответа на этот вопрос. Я хочу лишь, чтобы я была кому-то нужна, но не потому, что я способная или красивая, а потому что я – это я, Нелли. То есть Наполеонина. Тьфу! Разве нормальная мать назовет так своего ребенка?

Как-то я спросила у крестной, каким именем меня крестили. Ведь не Наполеониной же? Поликсена недовольно скривила губы и ответила: «Ниной». Ну что же, дорогая Нина-Наполеонина, вот и подходит к концу день рождения, которого ты так страшилась. Завтра жизнь войдет в нормальное русло: гимназия, урок музыки. Только мне теперь будет шестнадцать лет.

- До свидания, до свидания, мы были рады вас видеть. Спасибо за великолепные подарки!

Вот и все. Официанты вместе с горничной Мариной убирают со стола. Бабушка устало сидит в кресле. Может, попробовать?

- Бабушка, я хочу спросить тебя кое-о-чем.

Настороженный взгляд серо-голубых глаз.

- Бабушка, какой была моя мама? Как ее звали?

- Почему ты спрашиваешь об этом, Нелли?

- Мне уже шестнадцать лет. Я хочу знать хоть что-нибудь о своей матери.

- Она была школьной учительницей. Обыкновенной школьной учительницей.

- А что она преподавала?

- По-моему, русский язык и литературу.

- Как ее звали?

- Анастасией. И это последний вопрос о матери, на который я отвечу. Хватит. Ее давно с нами нет, и не надо беречь то, что прошло и никогда не вернется. Ступай спать. Ты прекрасно держалась сегодня. Я расскажу об этом твоему отцу.

- Спокойной ночи, бабушка.

Я поднимаюсь по лестнице в свою комнату, вынимаю из груды лежащих на кровати подарков мишку Тедди и прижимаю к себе. Его серые лапки ласково обхватывают меня за шею. Что ж, хоть мне и исполнилось сегодня шестнадцать лет, в душе я чувствую себя испуганной маленькой девочкой, у которой нет никого, кроме этого медвежонка. Очень одинокой маленькой девочкой.

«Католическое Рождество»... кто придумал праздник с таким странным названием? То есть, конечно, я знаю, что за праздник Рождество Христово, нам рассказывали о нем в школе на уроках мировой художественной культуры. Это день или, вернее, ночь, когда, по легенде, родился в пещере Христос, Сын Божий. Но вся эта ерунда с двумя празднованиями кажется мне непонятной. Не может же быть так, что Младенец этот родился два раза: один раз – для католиков, а другой – для православных. И не менее странно, что в нашей гимназии, где католиков и днем с огнем не сыщешь, мы почему-то празднуем это самое «католическое

Рождество». Только потому, что мы учим французский язык?

И вот вся гимназия уже месяц сходит с ума с этим Папашей Ноэлем, который ездит на осле и раскладывает подарки в башмаки, выставленные у камина. В нашей семье никакое Рождество не празднуют, для нас никто не рождается. Бабушке вполне хватает празднования Нового года, а я, честно говоря, и без него бы обошлась. Каждый праздник, даже такой сказочный, как Новый год – лишь повод вспомнить про «гроб жизни», ведь ко мне-то сказка не пожалует.

Обо всем это я размышляла, слушая какую-то рождественскую песню, открывающую гимназический праздник. Бабушка постаралась нарядить меня в шикарное платье изумрудного цвета, и я чувствовала себя Хозяйкой медной горы. Только у той было преимущество – она могла превратиться в ящерицу и удрать подальше.

- Бонжур, медам э мсье! Бонжур, мезами! – ведущий Кузьма Иванковский чувствовал себя насквозь французом, пытаясь быть одновременно напыщенным и развязным. И началось: дурацкий Пер Ноэль со своими дурацкими шуточками на плохом французском – сразу видно, что на эту роль его взяли не за знание языка, а за умение кривляться, – какая-то глупая сценка с пастухами и овечками, стихи и песни на французском языке. Иногда по залу проносился Пер Фуэтар, дед с розгами, который наказывает детей, что плохо вели себя в прошедшем году. Но, похоже, мы все были просто ангелами – никому даже одного удара не досталось.

- Скууука, – протянула стоявшая рядом со мной Марина. – Я видела рождественский пастра-аж в Сан-Реми-ан-Прованс...

Пастраж, не больше не меньше! Я сделала вид, что не слышу ни Марину, ни ведущего, который теперь приглашал всех отведать рождественское полено – огромный, сделанный на заказ торт. Елка, украшенная серебряными шарами и серебряными лентами, чувствовала себя в этом зале лишней – совершенно как я. Она явно не говорила по-французски. Я подошла к ней поближе и вдруг заметила, что под нижними ветками живут своей жизнью фарфоровые фигурки. Наверно, это были рождественские ясли, которые привез из Франции наш директор. Над колыбелькой с младенцем склонились мать и отец, поодаль застыли рядом с верблюдами восточные короли в пестрых одеяниях. Пастухи со своими овцами стоят рядом с колыбелькой и смущенно улыбаются. Большая семья... семья, которой у меня никогда не было. И мне вдруг нестерпимо захотелось увидеть, как светятся лаской глаза матери. Конечно, я понимала, что это невозможно – моей матери уже давно нет на свете, – но какая-то жажда чуда вдруг обожгла меня.

«Маленький Бог, – мысленно взмолилась я, – сделай что-нибудь, чтобы мне не так одиноко было на этом свете. Пожалуйста!»

Конечно, это было минутное проявление слабости, но ведь такие минуты бывают даже у сильных людей.

И тут загремела веселая музыка, началась дискотека. Я не пошевелилась. Танцевать я не любила никогда. Прыгалки-кривлялки не для меня, а на медленный танец никому и в голову не придет пригласить «странную Нелку». Я стояла и глядела на елку, а за моей спиной бурлил танцующий зал. Потом шумная музыка сменилась красивой медленной мелодией, неожиданно сказочной и утешающей, и мне вдруг захотелось вспомнить что-то хорошее и доброе, но память отказывалась предоставить мне подобные воспоминания.

- Можно вас пригласить? – вдруг послышался за спиной голос. Я сначала даже не поняла, что обращаются ко мне, но потом медленно обернулась. Передо мной стоял незнакомый высокий мальчик. Я видела его впервые, значит, он не учится в нашей гимназии. Да, такого бы я заметила – одет как с картинки, спину держит прямо, что нынче редкость. Конечно, не наш – потому-то и приглашает меня, не зная, что никто не танцует со «странной Нелкой». И вдруг я почему-то решила согласиться.

- Я – Макс. А вы...

- Нелли, – представилась я, высоко подняв руки, чтобы достать до плеч партнера.

- Слово имя героини книги, заглавной героини, – заметил Макс восхищенно. Находчивый!

- Вы здесь не учитесь, – сказала я.

- Да, меня пригласил на праздник друг, сын вашего завуча. Сам я учусь в английской гимназии.

Музыка плавно несла нас по залу, свет стеклянного вращающегося шара выхватывал из полутьмы изумленные лица моих одноклассниц, а Макс говорил и говорил что-то интересное и

умное, делал комплименты. Смолк он вместе с музыкой, но от меня не отошел. И когда я сказала, что не танцую быстрые танцы, он не присоединился к веселому кругу, куда звал его приятель, а остался рядом со мной. Потом он принес мне бокал лимонада, потом мы снова танцевали, говорили, танцевали, и я уже начала получать удовольствие от вечера, хотя и чувствовала себя играющей какую-то роль.

Макс был чужаком, умным и обаятельным – но до безумия чужим. Он принадлежал миру английских школ, элитных вечеринок, дорогих костюмов и хорошо одетых девушек. Он не знал, что я лишь кажусь той Нелли, с которой он сегодня танцует. К концу вечера мы перешли на «ты», и Макс записал номер моего телефона. Не дать номер мне было неловко, хотя вовсе не хотелось снова слышать его самодовольный голос. Да, он был уверен в своей неотразимости. Для других девочек он и был бы неотразимым, но ведь я всего лишь – «странная Нелка».

Сидя в лимузине, везущем меня домой по темным улицам, освещенным яркими новогодними огнями, я словно продолжала видеть сон, сон о Золушке, ставшей вдруг принцессой. Сон этот закончился в тот момент, когда за мной захлопнулась дверь квартиры. Я вернулась в свой «гроб жизни».

Вечером, сидя в обнимку с Тедди у маленькой елочки, приютившейся возле моей кровати, я сочинила стихотворение. Я немного рифмовала и раньше, но тут словно что-то родилось во мне, новое и очень грустное.

Бывают принцы в сказках. Может быть,
Случайно, но живут на самом деле.
Но мне на помощь сказки не успели,
Я их не дождалась – кого винить?

Принцесса плачет. Брызги конфетти
Горят на небе праздничней, чем звезды,
И тает свечка. Неужели поздно
И невозможно сказку вернуть?

Печально елка шелестит дождем,
Огни – как драгоценности на платье...
И шепчет незнакомые заветья
Волшебник-снег, укутывая дом.

Снег сыпался и сыпался с темного неба, но он не был волшебником и не мог ничем помочь принцессе ненаписанной сказки, грустной принцессе, сидевшей на кровати в обнимку с игрушечным медведем.

Однако эта рождественская история получила неожиданное продолжение. На следующий день к нам домой явилась Алина. Я никогда не видела свою благовоспитанную кузину такой взбешенной. Она с трудом дождалась, пока бабушка оставит нас одних, и налетела на меня, словно фурия.

- Думаешь, это тебе сойдет с рук? – прошипела она.

Я, признаться, даже испугалась. Может, Алина переусердствовала с уроками, и у нее что-то случилось с головой?

- Что? – только и могла выдавить я.

- Притворяешься? – Алина даже побледнела. – Думала, я ничего не узнаю?

- Да что стряслось-то? – вспыхнула я. – Объясни толком, а не кидайся на людей! Между прочим, ты в гостях находишься.

- Я все узнала! Он сам и проговорился! Сказал, что тебя зовут Нелли.

- Экая тайна! - фыркнула я.

- Не притворяйся! – взвизгнула Алина. – Ты танцевала с ним!

И тут я начала понимать.

- Так ты о Максе говоришь?

- Конечно, о Максе! Признаешься, что танцевала с ним?

- Танцевала. И скрывать мне это от тебя вовсе незачем. С кем хочу, с тем и танцую.

- Но не с моим парнем! Антон сказал, что он от тебя весь вечер не отходил, зубы заговаривал, телефончик взял. Думаешь, сможешь у меня его отбить?

Я подошла к Алине и встряхнула ее за плечи.

- Теперь успокойся и послушай. Если бы я захотела, то отбила бы запросто. Но я не хочу. Мне твой Макс не нужен. Мне никто не нужен, поняла?

- И по телефону разговаривать с ним не смей!

- Я буду разговаривать с тем, с кем захочу, - надменно ответила я. Что за истерику устроила здесь моя глупая кузина? Почему она полагает, что я обязана считаться с ее интересами?

- Ты ему не пара! – всхлипнула Алина. – Он из хорошей семьи, а ты...

- Моя семья не хуже твоей. Наши с тобой отцы – братья. Чем же ты лучше меня?

- А твоя мать кто?

- Моя мама умерла, - холодно прервала я Алину.

И тут моя кузина вдруг странно замолчала. Ее глаза сразу стали сухими. Она оглянулась, словно для того, чтобы убедиться, что мы одни в комнате, а потом быстро сказала:

- И вовсе нет. Твоя мать жива.

- Что ты на этот раз придумала, Алина? – прищуриль глаза, спросила я. – Только ври ловчее, у тебя это плохо получается.

- Честное слово, жива. Я сама слышала, как папа об этом говорил. Спроси у своей бабушки.

- Ты прекрасно знаешь, что бабушка мне ничего не скажет, вот и сочиняешь.

- Папа сказал: «Хорошо, что Нелли не знает, кто ее мать – ей вовсе незачем общаться с такой женщиной». Мама спросила: «А твой брат с ней не видится?» «Конечно, нет. Слово матери – закон для него», - ответил папа. Вот так. Значит, она жива, но от тебя это скрывают.

Внутри меня вдруг наступила такая тишина, что даже не слышно было, как стучит сердце. А может быть, оно больше не стучит?

- Я не верю тебе, - непослушными губами сказала я. – Ты мстишь мне за Макса.

- Макс никогда тебе не позвонит, - сказала Алина и вышла из комнаты, а я осталась сидеть – с моими застывшими реками и погубленными морозом травами, с помертвелым небосводом и безмолвной пустотой зимних полей. Трудно жить, зная, что твоя мать ушла из жизни, но зная, что она ушла только из твоей жизни, жить просто невозможно.

Я вдруг ощутила страх. Не тот страх, что охватывает на уроке – вызовут к доске или не вызовут. Не тот страх, когда дочитал книгу до самого интересного места и боишься, что войдет бабушка и велит заняться более важными делами. Сегодняшний мой страх был незнакомцем. Он заставил настенные часы тикать так громко и зло, что каждый звук казался ударом. Ложь, ложь, ложь – стучали часы. Неужели мне все лгали – и отец, и бабушка? Такого чудовищного обмана я не могла ожидать даже от них. Но что-то внутри меня знало: именно бабушка и способна на такое. Именно она, считающая, что может переписывать жизни других людей, могла бы захотеть переписать по-своему и мою жизнь. И в этой жизни матерью Наполеонины, наследной принцессы империи моды, не могла оказаться школьная учительница.

Но что же мне теперь делать? Только бы не вошла бабушка! Мне надо все обдумать. Как болит голова!

- Нелли, почему Алина так быстро ушла? Почему ты молчишь?

- Бабушка, у меня голова разболелась.

- Вздор! Какая может быть головная боль в твоём возрасте? Но ты и впрямь что-то бледна. Ложись-ка в постель, я вызову Аннушку.

- Бабушка, мне не нужен врач, сейчас все пройдет.

- Разрешите мне, Нелли, самой судить о необходимости моих действий. В постель!

В глубине души я даже была рада, что бабушка отнеслась ко мне как к больной. Это избавляло меня от необходимости что-то объяснять. Съездившись под одеялом, я продолжала бродить по своему кошмару. Я должна узнать правду, только как это сделать? Конечно, ни к отцу, ни к бабушке ни с какими вопросами не обратишься. Крестная без бабушкиного разрешения

ничего не скажет. Дед Саша! Вот кого надо расспросить. Он должен был знать мою маму. Интересно, местной она была или приезжей? Может быть, они с отцом вместе учились? Может быть, дед Саша знает ее родных? Он, наверно, был на свадьбе моих родителей.

Интересно, почему я никогда не видела в наших семейных фотоальбомах ни одной свадебной фотографии? Там вообще не было фотографий моей матери, лишь на одном фото, любительском и нечетком, виден легкий силуэт молодой женщины, стоящей на набережной. Внимательно, чуть наклонившись, разглядывает она застывшую поверхность реки, словно ждет, что на этой водной глади, как на поверхности чаши колдуньи, проступят очертания ее будущего. Но такого будущего, она, конечно, не ждала.

А вдруг... вдруг Алина сказала правду, и моя мать жива? Вдруг она ходит по тем же улицам, что и я, преподает где-нибудь в соседней школе? Вдруг она тайком фотографирует меня и ставит фотографии на свой письменный стол? Какие доводы привела бабушка, чтобы разлучить нас? Почему мать согласилась? Гадать бесполезно: изощренный бабушкин ум вполне мог разработать четкий и жестокий план, как избавить семью от непрошеной гостьи.

А отец? Почему он позволил ей сделать это? Неужели он так мало любил мою мать? Хотя какая любовь устоит под натиском бабушкиных аргументов! Бабушка умеет наступать неумолимо, как зима, замораживая все вокруг, срывая с деревьев последние листья недолгого летнего счастья, лишая надежды и воли. Заморозит она и меня. Я уже замерзаю, меня колотит озноб, и листья моих надежд срываются с ветвей, съезжаясь под порывами ледяного ветра, кружатся, вертятся вокруг, все быстрее и быстрее...

Очнулась я от прикосновения чего-то мокрого и холодного к своему лицу. Возле меня сидела Анна Витальевна, наш домашний врач, и обтирала мне лицо влажной салфеткой.

- Очнулась девочка, – не то спросила, не то сказала она. – Не волнуйтесь, Елена Леонидовна, ничего страшного нет. Скорее всего Нелли переутомилась. Рекомендую дня два-три подержать ее дома. Покой, никаких занятий. Вот рецепты и справка.

- Бабушка, пусть ко мне придет дед Саша, - попросила я, когда Анна Витальевна ушла. – Мне скучно, а он такие интересные истории рассказывает.

И даже проницательная бабушка не смогла расслышать в моем голосе фальшь.

Дед Саша ничем не смог мне помочь.

Он приехал этим же вечером, привез мне целую корзину фруктов и смешную лохматую игрушку-мышь радостного апельсинового цвета. Глазки мыши смотрели весело, а лукавая мордочка почему-то напомнила мне Алиску.

- Конечно, я знал твою маму, малышка, - с готовностью ответил дед на мой вопрос. – Настя была чудесной девушкой.

- Я похожа на нее?

- Нет, малышка. Ты похожа на свою бабушку.

- Я не чудесная?

- Ты просто совсем другая. Более сильная.

Я сильная? Но об этом думать было некогда, и я продолжила задавать вопросы, стараясь не проявлять чрезмерной заинтересованности. Из ответов деда Саши я узнала только, что моя мама была приезжей. В наш город она приехала учиться, в институте оказалась на одном курсе с моим отцом. Поженились они почти тайком, ничего не сказав бабушке. Отец, наверно, понимал, что бабушка никогда с этим не смирится. И она не смирилась, продолжая относиться к моей маме как к посторонней даже тогда, когда родилась я. И маме приходилось подчиняться. Она во всем слушалась бабушку, позволила ей устанавливать правила жизни, позволила назвать меня этим жутким именем. Вот что я услышала в словах деда Саши, хотя открыто он об этом не говорил.

- Когда тебе было полтора годика, твоя мама решила навестить своих родителей, которых давно не видела, и уехала в родной город. Взять с собой тебя ей не разрешила бабушка. Это спасло тебе жизнь, а твоя мама погибла: маленький автобус, на котором она ехала, попал в аварию. Твой папа ездил к ее родителям и вернулся сам не свой. По-моему, он до сих пор не может смириться с этой потерей. К счастью, у тебя осталась прекрасная бабушка, она отдала тебе все свое внимание и заботу.

- Дед Саша, как ты думаешь, почему в наших альбомах нет маминых фотографий?

- Наверно, всем тяжело вспоминать прошлое, малышка, и представлять, что все могло сложиться иначе.

- Мне хотелось бы увидеть лицо мамы.

- Не думай об этом сейчас. Тебе надо успокоиться и отдохнуть. Полистай какие-нибудь журналы или возьми веселую книгу. А сейчас послушай-ка о том, как мы с твоей бабушкой в детстве полезли в чужой сад за яблоками.

Дед что-то рассказывал, но слушать я не могла – мысли словно столпились в моей голове, не давая ни слышать, ни видеть. Я уткнулась лицом в апельсиновый мех игрушечной мыши, напоминающей Алиску. Алиска! Вот кого мне надо увидеть! Я не знаю, чем маленькая кузина может мне помочь, но ей одной я могу рассказать обо всем. Если я не выговорюсь, мысли разорвут мою голову на куски!

- Бабушка, пригласи к нам завтра Алисию, - прошу я, когда бабушка приходит пожелать мне спокойной ночи.

- Нелли, ты ведешь себя, как королева – приглашаешь гостей в свою опочивальню. Но, возможно, лучше позвать Алину? Общение с ней принесет больше пользы.

- Алина сказала, что готовится к какому-то новому спектаклю и очень занята на репетициях, – не моргнув глазом, соврала я. И снова мне удалось провести бабушку. Она обещала пригласить к нам завтра Алиску.

Я лежала в темноте, прижимая к себе оранжевую мышь. Медведь Тедди остался сидеть на подоконнике. Он охранял нас от зловещего света луны, от раздражающего света фонарей, от колючих снежинок, что так и норовили влететь в приоткрытую форточку. Но даже Тедди не мог защитить меня от тяжелых мыслей, разрывающих мою голову.

На следующий день ударил мороз. Окна засверкали ледяными картинками, очень красиво подсвеченными солнцем. Но лед, даже озаренный солнечным светом, все же остается льдом – холодным и безжизненным. Меня морозное веселье не радовало, и ледяные узоры, возникшие вчера в моей душе, лишь стали более отчетливыми. Я нашла в себе силы улыбнуться бабушке, позавтракать, измерить температуру, которая оказалась нормальной, полистать журнал. Но ждала я лишь одного – прихода Алиски.

И вот кузина пришла. Румяная с мороза, она схватила оранжевую мышь, забралась с ногами на диван и укрылась пледом. Ее серые глаза смеялись.

- Болеть придумала? – спросила она весело.

- Я здорова. Это бабушка считает, что я болею.

- Почему Алинка так злится на тебя?

- Она считает, что я хочу отбить ее парня.

- Макса? – изумленно переспросила Алиска.

- Да, Макса. Я познакомилась с ним у нас в гимназии на празднике.

- Понятно, - выжидательно протянула кузина, но я молчала, думая, как рассказать Алиске о том, что меня действительно волнует.

- Алиска, ты умеешь хранить тайны?

- Значит, он тебе все-таки понравился?

- Кто? – не поняла я.

- Макс, конечно! Разве не это твоя тайна?

- Ерунда какая! Я о нем даже и не думала. Алина может спать совершенно спокойно.

- И правильно! Этот Макс – такой зануда!

- Алиска, мне надо с кем-то поговорить. С кем-то, кто умеет хранить тайны. Настоящие, взрослые тайны.

Алиска сразу сделалась серьезной.

- У тебя что-то случилось, Нелличка? Я умею хранить взрослые тайны.

- Что ты знаешь о моей маме?

Алиска молчала, словно пытаясь понять, почему я задаю такой вопрос.

- Твоя мама давно погибла, - осторожно ответила она.